

ФИЛОЛОГИЯ

О. В. Лукин

Теория частей речи в парадигме средневековой науки Западной Европы

В статье рассматривается роль Средних веков в развитии теории частей речи. Автор анализирует особенности духовной жизни этого периода истории и влияние его научной парадигмы на теорию частей речи. Важным представляется тот факт, что основным в науке того времени являлись не опыт и факты, а догматы Священного писания. Грамматика – одно из семи «свободных искусств» – понималась как искусство правильно говорить и писать на латыни. Автор анализирует взаимодействие средневековой грамматики, входившей в состав семи искусств, с концепцией универсальной грамматики как грамматики человеческого языка вообще, мыслимой как грамматика латинского языка.

Ключевые слова: теория частей речи, Средние века, богословие, латынь, философия, универсальная грамматика.

O. V. Lukin

Parts of Speech Theory in the West Europe Medieval Scientific Paradigm

The article considers the role of the Middle Ages in the development of the theory of parts of speech. The author studies the spiritual background of this historical period and the influence of scientific views on the development of the theory of parts of speech. It was the doctrines of the Holy Scriptures that dominated the theology in those times, not experience or real facts. Grammar – one of the seven ‘free arts’ – was understood as the skill to speak and write accurate Latin. The author studies interrelations of the medieval grammar that was one of the arts and universal grammar that was a concept of grammar of any human language, the latter being in fact the Latin language grammar.

Key words: parts of speech theory, Middle Ages, theology, Latin, Philosophy, universal grammar.

Для осознания места частеречной проблематики в средневековой науке необходимо понимание самого широкого контекста этого чрезвычайно непростого и весьма протяженного периода истории. Он длился более тысячелетия (по разным оценкам от II–IV вв. или даже V в. до рубежа XIV–XV вв. или даже XVIII–XIX вв. (ср. [1, с. 110–112], [3, с. 18–19], [7, с. 51], [13, с. 69], [15, с. 103])). То был период феодальных государств, военных столкновений, период феодального хозяйства, приводившего людей к голоду и нищете, период, когда грамотность была доступна избранным, но «...все же живая мысль, мысль исследующая и творящая, не погибла и приносила плоды раздумий и трудов» [14, с. 243].

Средние века нельзя, разумеется, рассматривать только как «...простой перерыв в ходе истории, вызванный тысячелетним всеобщим варварством» [19, с. 287], сравним: «...взгляд на Средневековье как на интеллектуальное кладбище человечества был бы поверхностным. Хотя культура Средневековья не знала науки в современном понимании, в ее недрах успешно развивались такие специфические области знания..., ко-

торые подготовили возможность образования науки в более поздний период» [10, с. 70]. Разумеется, и сам средневековый период был неоднородным: «Средневековье познало эпоху глубокого политического, экономического и интеллектуального варварства – эпоху, длившуюся примерно с VI по XI в.; но оно познало также эпоху исключительно плодотворную, беспримерную по своей интенсивности интеллектуальной и художественной жизни, длившуюся с XI по XIV в.» [7, с. 51].

Средние века, как известно, отличались господством религии. Научные проблемы Средних веков, в том числе и проблемы, которые мы назвали бы лингвистическими, существовали в рамках, установленных религиозной догмой. Наука трактовалась «...не только как эталон подлинного знания, но и как познание божественного. Средневековье считало лишь веру способной к познанию абсолютного» [12, с. 25]. Трактаты средневековых ученых, в том числе, и по вопросам, связанным с изучением языка, стимулировались богословской теорией и практикой, так что теории языка создавались как неотъемлемая

часть господствующей религиозной идеологии [18, с. 159–160], как «...составная часть богословия, как компонент целостного средневекового видения мира» [16].

При этом важно обратить внимание особенности средневековой науки, отличающие ее от науки в современном понимании. Высшее познание и наука (богословие) трактовались как истолкование божественного слова, возвещаемого церковью. Познание в средневековом понимании – не исследование, а «верное понимание законодательного слова и возвещающих его авторитетов» [17, с. 45], «...философия рефлексивирует над содержанием религиозных мировоззренческих доктрин» [8, с. 13].

Главное в средневековой науке – не опыт и не факты: «...опыт не рассматривается в качестве главного критерия истинности знания» [13, с. 259], «...в функции метода выступают интуитивное познание Бога, схоластическая дедукция, доказательство от авторитета, комментарий и диспут. О фактах речь не идет, зато значимы догматы Священного писания, цитаты из Аристотеля и его комментаторов» [11, с. 210]. Исключительно важное место в парадигме средневековой науки занимает понятие авторитетов. А. Койре пишет о двойном авторитете – религиозной догмы и Аристотеля [7, с. 51].

В средневековой Европе языком религии и церкви и поэтому языком науки и школы была латынь. Язык этот, имевший статус международного, обеспечивал потребности духовного общения между образованными людьми всех стран Западной Европы и поэтому занимал центральное место в системе школьного и университетского образования [6, с. 4–5]. По значимости роли, которую играл латинский язык в Средние века, его невозможно сравнить ни с одним из живых языков Европы того времени, при этом «...латынь и средневековые романские языки ... понимались не как разные стадии развития языка, а как престижный и непрестижный его варианты» [2, с. 23]. Все это, естественно, объясняет интерес к латинским грамматикам и огромный авторитет Доната (IV в.) и Присциана (ок. 500 г.): «История западноевропейского языкознания раннего средневековья представляет собой прежде всего историю изучения и преподавания классического латинского языка (на основе канонизированных руководств Доната и Присциана)» [16].

Школьное и университетское образование стран Западной Европы строилось по плану Боэция (ок. 480–524 гг.), современника Присциана,

римского философа, одного из основоположников средневековой схоластики, который познакомил Запад с некоторыми философско-логическими произведениями Аристотеля. План Боэция состоял из двух частей (trivium и quadrivium), которые составляли вместе семь «свободных искусств» (artes liberales). Trivium включал грамматику, диалектику (логику) и риторiku; quadrivium состоял из арифметики, геометрии, астрономии и музыки; и все эти семь дисциплин были подчинены изучению одной главной науки – теологии. Здесь особое внимание хотелось бы обратить на содержание и статус грамматики в средневековом образовании: «...грамматика, то есть искусство правильно читать, говорить и писать по-латыни...» [5, с. 215]. «...Грамматика раннего средневековья выступала как прикладная дисциплина, обслуживавшая преподавание и комментирование текстов античных ... авторов ... Основными грамматическими трудами этого периода ... были многочисленные комментарии к Донату и Присциану» [16]. Роль теории языка вообще и теории частей речи в частности была в этом контексте вполне понятна: с одной стороны, они должны были удовлетворять потребностям религиозной философии и логики, с другой – обслуживать практику преподавания латыни. Таким образом, этими проблемами занимались отцы церкви и преподаватели школ и университетов.

Грамматика в Средние века, то есть прежде всего, грамматика латинского языка, мыслилась также и как грамматика языка вообще, как всеобщая или универсальная грамматика. Следует заметить, что «...предметом рационалистических спекуляций средневековых мыслителей были не языки различных народов тогдашней ойкумены, а “язык как человеческая способность, как универсальная и неизменная характеристика человека”...» [18, с. 161] (см. также [22, с. 85]). Так, предметом грамматики архиепископа Кентерберийского Роберта Килвордби (2-я пол. XIII в.) стал «имеющий значение язык» (sermo significativus) в его отвлечении от отдельного языка. Этот sermo существует in mente «в разуме», и в этом смысле язык является предметом науки. При этом объект грамматики (sermo congruus) подчинен объекту логики (sermo verus). Показательно в этом смысле проводимое Килвордби сопоставление грамматики и геометрии: как геометрия отвлекается от различий в объеме изучаемых ею сфер, так и грамматика должна игнорировать поверхностные различия между

языками [5, с. 236]. В связи с развитием средневековой логики в частеречной теории произошло «...незаметное, но важное изменение в анализе материала: вместо того, чтобы обсуждать, *что* часть речи обозначает, логики стали обсуждать, *как* (каким образом) часть речи что-либо обозначает» [5, с. 237].

Другой качественный сдвиг в средневековой теории частей речи состоял в том, что из александрийской грамматики с ее технологическим статусом (см. [4, с. 135]) и в значительной степени дескриптивным характером грамматика стала превращаться во все более прескриптивную дисциплину, тогда «...намечался разрыв между практическим и теоретическим подходами в грамматике: учебные пособия, главным достоинством которых была доступность и простота, стали составляться отдельно от теоретических трактатов по грамматике» [5, с. 218].

Схоласты обратились к произведениям Аристотеля, особенно заинтересовавшись языком как инструментом для анализа структуры действительности. Поскольку в это время было написано рекордное количество трактатов под названием «*De modis significandi*», их авторы получили название модистов. Схоласты-модисты, исходя из того, что наука представляет собой поиск универсальных и неизменных причин, пытались выводить грамматические категории из категорий логики, эпистемологии и метафизики, а точнее – свести категории всех четырех к одним и тем же общим принципам [9, с. 33].

Грамматика трактовалась модистами как «наука о языке» в отличие от «реальной науки», потому что предметом исследования первой является язык, а второй – реальный предмет или понятие, этот предмет обозначающие. Причем «наука о языке» изучает как бы язык вообще, распространяя сферу своей компетенции на все языки, рассматривая язык как некую универсальную грамматическую структуру, отражающую все конкретные языки. Именно поэтому грамматики того времени назывались «спекулятивными», так как язык напоминал модистам зеркало (лат. *speculum*), которое не только дает «отражение» бытия, «действительности», но и отражает человеческое мышление. Формы языка, формы мышления и формы бытия, по их представлению, симметричны друг другу. Следовательно, части речи как грамматические формы, по мнению модистов, во всех языках одни и те же, потому что они являются конкретными реализациями частей речи *универсального языка*, а

их различия состоят только в формальном выражении. Части речи должны быть во всех языках одними и теми же, потому что они – своего рода конкретные реализации частей речи универсального языка, а их различия состоят только в формальном выражении [21, с. 220].

Однако со времен Аристотеля достоверность знания всегда ставилась в зависимость от того, достоверны или нет принципы знания. Таким образом, и для спекулятивной грамматики самоочевидно, что достоверность грамматического знания основана на непоколебимом познании принципов; ведь ничто не может быть познано в полной мере, пока не познаны его первые принципы. Эти принципы стали первыми принципами для грамматиста, так как они – составные части мышления, в которые он, как представитель «особого искусства», «вплетает» заданный комплексный материал, или, поскольку они являются исходными точками его мышления, о которых он сам не может дать отчета. Таким образом, грамматика, как любое особенное искусство или наука, может быть сводима только к тем первым принципам, которые действительны только в отношении к тому или иному особому искусству. Обоснование первых грамматических принципов, остается прерогативой метафизики.

Первые принципы грамматики, в отличие от первых принципов метафизики, происходят из опыта. Эти первые принципы являются одновременно и *principia constructionis*, то есть *Modi significandi* (способы значения), при помощи которых делается возможным определенное то или иное осмысленное составление высказываний. При этом восемь *Modi significandi* – *nomen*, *pronomen*, *verbum*, *adverbium*, *participium*, *coniunctio*, *interiectio*, *praepositio* (восемь частей речи Дионисия Фракийца в их латинской интерпретации!) – восходят к своей непосредственной причине, к *Modi intelligendi* (способам познания), которые, в свою очередь объясняются *Modi essendi* (способами бытия). И как десять аристотелевских категорий отображают определенный порядок в мире сущего, так и восемь *Modi significandi* должны быть поняты как наиболее общие виды, которыми слова конституируются как «части речи» [20, с. 80–85].

Большое влияние на модистов оказывало представление о том, что «настоящий» язык всего один – латынь, а все остальные, «вульгарные» языки – не вполне языки. А это, в свою очередь, было связано с самим статусом «вульгарных» или «варварских» языков в средневековой Евро-

пе: «...новое положение возникает не только в области культуры, но и в области языковой деятельности.... Выделяются два ареала языков, а именно: а) ареал языков канонических и классических (все они – языки древних цивилизаций), осознанных и интерпретированных в общественно-языковой практике и теории языка как языки “правильные”; б) ареал языков “варварских”, или “вульгарных” (все они – языки бесписьменные или новописьменные), осознанных в общественно-языковой практике и теории языка как языки “неправильные”» [3, с. 96].

Частеречные дефиниции, как и все схоластические штудии, исходили из грамматики как универсального явления, характерного для всех языков [9, с. 34]. Таким образом, каждый, кто знает грамматику одного языка, знает и грамматики других, во всяком случае, то, что составляет самое важное в грамматике [21, с. 220]. Разумеется, трактовать саму постановку вопроса об универсальном языке необходимо в числе прочих факторов и на фоне той роли, которую играла латынь в науке и культуре средних веков. Сама идея универсальной грамматики, существенной для всех языков, и универсальные подходы к теории частей речи, обоснованные в Средние века, опять-таки могут быть объяснены ролью латинского языка:

1. Если есть язык, на котором во многих странах говорят представители высших социальных слоев, то можно говорить о чем-то вроде универсального языка (с универсальной грамматикой и универсальными частями речи).

2. Во всех языках есть слова, выражающие сходные или одинаковые понятия, поэтому во всех языках есть одинаковые части речи и грамматические категории.

Концепция универсальной грамматики как грамматики человеческого языка вообще имела два важных следствия. Во-первых, языковая теория Средневековья ставила в качестве своей задачи теоретическую реконструкцию универсальной грамматики, с чем связана идея логической и рациональной грамматики, являющейся исходным образом и нормой для грамматик отдельных языков. Во-вторых, универсальный грамматический анализ претендовал на роль онтологического анализа: изучение грамматики уже не рассматривалось как подготовка к изучению текстов – оно должно было считаться изучением метафизики [21, с. 220–221]. Этот подход объяснялся, разумеется, особым, привилегированным положением латинского языка как письменного и

универсального и его противопоставлением «народным» языкам. Суть универсального подхода к языковым явлениям выглядела примерно так: во всех языках есть слова для обозначения одних и тех же понятий, следовательно, во всех языках существуют одни и те же части речи и грамматические категории.

Идея универсальной грамматики впоследствии, как известно, привела к идее логической и рациональной грамматики, являющейся прототипом и нормой всех грамматик отдельно взятых языков, так что чисто описательные и индивидуализирующие грамматики были уже в зародыше дезавуированы в философском плане, так как надындивидуальные логические и онтологические концепты доминировали над чисто грамматическим анализом языков [21, с. 221].

В связи с тем, что в то время речь шла, прежде всего, об индоевропейских языках, чьи типологические признаки были определены флективными характеристиками, задачу грамматистов-рационалистов нельзя было назвать слишком сложной. Лишь в XIX столетии исследователи начали выводить языковые категории из языка, точнее, из отдельных исследуемых языков, а не из онтологии. Сам этот факт можно было бы назвать революцией в языковедческом мышлении, потому что до этого языковые, логические и онтологические категории едва ли отделялись друг от друга, так что предметом части философии, занимавшейся языковыми вопросами, было все что угодно, кроме собственно языковых феноменов. За основу брались именно языковые феномены, и им потом могли придавать логический и онтологический статус. Но поскольку наследие Аристотеля, Дионисия Фракийца, Доната и Прициана пользовалось непревзойденным авторитетом, схема Дионисия продолжала действовать по инерции с незначительными вариациями.

Известный факт, что теория частей речи кажется столь сложной и противоречивой, можно объяснить не только тем, что она как языковедческая теория была создана и долгое время развивалась философами и филологами, или тем, что значительное наследие ее нелингвистической интерпретации оказывает системное давление на ее лингвистическое рассмотрение. Не меньшее давление грамматической системы греческого и латыни как флективных языков можно наблюдать на примере грамматик языков с иными типологическими свойствами.

Средневековая наука придала частеречной теории, складывавшейся в античности, статус

непререкаемого, освященного церковью авторитета. Но если наблюдательные греческие философы при помощи частей речи предложили философский метод подхода к описанию своего родного языка, то их последователи переняли не метод, а только схему – восемь частей речи, которая в Средние века, как в капле воды, отразилась в восьми *Modi significandi* спекулятивных грамматик. Смещение внимания исследователей с содержания на форму частей речи, превращение грамматики из дескриптивной дисциплины в прескриптивную на фоне установления и поддержания веры в правильность и незыблемость «традиционной» теории частей речи – это далеко не все итоги средневековой науки. Идея универсальной грамматики и универсальных частей речи ознаменовала собой иной подход к рассмотрению частей речи, продиктованный античным влиянием и самой парадигмой средневековой науки и так или иначе обусловленный типологическими свойствами рассматриваемых языков.

Библиографический список

1. Алексеев, П. В. Философия [Текст] / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – 680 с.
2. Алпатов, В. М. История лингвистических учений [Текст] / В. М. Алпатов. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 368 с.
3. Амирова, Т. А. История языкознания [Текст] / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский. – М. : Академия, 2003. – 672 с.
4. Гаврилов, А. К. Языкознание византийцев [Текст] / А. К. Гаврилов // История лингвистических учений. Средневековая Европа. – Л. : Наука, 1985. – С. 109–156.
5. Грошева, А. В. Грамматические учения западноевропейского средневековья [Текст] / А. В. Грошева // История лингвистических учений. Средневековая Европа. – Л. : Наука, 1985. – С. 208–242.
6. Десницкая, А. В. Предисловие [Текст] / А. В. Десницкая // История лингвистических учений. Средневековая Европа. – Л. : Наука, 1985. – С. 3–10.
7. Койре, А. Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий [Текст] / А. Койре. – М. : Прогресс, 1985. – 282 с.
8. Крюков, В. В. Философия [Текст] / В. В. Крюков. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2006. – 220 с.
9. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику [Текст] / Дж. Лайонз. – М. : Прогресс, 1978. – 544 с.
10. Лебедев, С. А. Философия науки [Текст] / под ред. С. А. Лебедева. – М. : Академический Проект; Трикста, 2004. – 736 с.
11. Микешина, Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования [Текст] / Л. А. Микешина. – М. : Прогресс-Традиция, МПСИ, Флинта, 2005. – 464 с.
12. Ойзерман, Т. И. Философия как история философии [Текст] / Т. И. Ойзерман. – СПб. : АЛТЕИЯ, 1999. – 448 с.
13. Радугин, А. А. Философия [Текст] / А. А. Радугин. – М. : Центр, 2004. – 336 с.
14. Реферовская, Е. А. «Спор» реалистов и номиналистов [Текст] / Е. А. Реферовская // История лингвистических учений. Средневековая Европа. – Л. : Наука, 1985. – С. 243–287.
15. Семенов, Н. С. Средневековая философия [Текст] / Н. С. Семенов // История философии : энциклопедия. – Мн. : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. – С. 1031–1036.
16. Сусов, И. П. История языкознания [Электронный ресурс] / И. П. Сусов. – Тверь, 1999. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/TEXTBOOKS/yazykoznanie.txt> (дата обращения: 15.04.2010).
17. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления [Текст] / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
18. Эдельштейн, Ю. М. Проблемы языка в памятниках патристики [Текст] / Ю. М. Эдельштейн // История лингвистических учений. Средневековая Европа. – Л. : Наука, 1985. – С. 157–207.
19. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии [Текст] / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2. – Т. 21. – М., 1961. – С. 269–317.
20. Kobusch, T. Grammatica speculativa (12.–14. Jh.) / T. Kobusch // Borsche Tilman (Hrsg.) Klassiker der Sprachphilosophie: von Platon bis Noam Chomsky. – München: Beck, 1996. – S. 77–94.
21. Köller, W. Philosophie der Grammatik. Vom Sinn grammatischen Wissens / W. Köller. – Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1988. – 460 S.
22. Salus, P. H. Universal Grammar 1000–1850 / P. H. Salus // Parret H. (ed.) History of Linguistic Thought and Contemporary Linguistics. – Berlin / New York: Walter de Gruyter, 1976. – pp. 85–101.